

С.В. Максимов

Сибирь и каторга

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.В. Максимов**
Сибирь и каторга: Часть 2 / С.В. Максимов – М.: Книга по Требованию, 2018. –
362 с.

ISBN 978-5-518-08989-1

ISBN 978-5-518-08989-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

ЗЛОДЪИ.

Зловная сила судьбы и слѣпая народная вѣра въ нее. — Знаменитый Кореневъ — прототипъ злодѣевъ. — Его похождения и злодѣйства; разбойная сторонка; нищая братія; Верзило; артель слѣпцовъ-нищихъ; варнаки; каторга; Кореневъ — сезонный герой; палачи; провлекски совѣсти въ злодѣѣ. — Забайкальская знаменитость: разбойникъ и пѣсенникъ Горкинъ и его превращеніе. — Нашъ знакомецъ Дувровинъ. Понятіе варнаковъ о чести. — Ссылные увійцы. — Злодѣи изъ еврейскаго племени: Горбунъ и Хаймъ Вульевъ. — Злодѣй Филипповъ. — Минусинскій злодѣй. — Разбойники сибирскіе. — Судьба увійць въ Сибири.

Русская народная пословица говоритъ: «отъ тюрьмы да отъ сумы не отпавайся». Этой пословицей вѣковая народная практическая наблюдательность сумѣла объяснить въ своей жизни существованіе двухъ сильныхъ враговъ. Оба признаны ею неодолимыми; оба, въ народномъ представленіи, являются тѣми могучими силами, борьба съ которыми — внѣ человѣческой возможности и всегда неизбежно кончается побѣдою на противной сторонѣ. Одинъ врагъ, и именно тотъ, который умѣетъ надѣвать на людскія плечи суму и зовется голодомъ, успѣлъ достаточно ясно заявить себя не только въ предшествовавшіе вѣка народной жизни, но и въ наши времена съ тѣми же самыми подробностями, какія занесены въ древнія лѣтописи. Другаго врага; также натапливающего на несчастія, и также запирающаго въ тюрьмы, народъ не успѣлъ распознать въ лицо и дать ему опредѣленное и характерное имя: видитъ онъ въ немъ какого-то злаго духа, котораго называетъ и судьбою, и несчастіемъ: судьбою — отъ

которой не уйдешь и не отчужаешься. несчастіемъ — котораго не обойдешь и не объѣдешь (даже и на кривыхъ оглобляхъ — по мѣткому выраженію одной изъ пословицъ). Эта безнадежность, это отчаяніе неувѣренности въ собственныя силы, какъ существа разумнаго и независимаго, до такой степени окрѣпли въ народномъ сознаніи, что самая форма возмездія испорченной воли въ преступленіе признается и зовется несчастіемъ; приписывается вліянію злобной силы судьбы. Вездѣ оны, оба вида всеувлекающихъ и губительныхъ силъ, являютъ ся впередъ, и прежде всѣхъ другихъ причинъ, порождающихъ тотъ или другой видъ преступленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, исканіе иныхъ причинъ преступленій увело народъ въ противорѣчія и увлекло въ среду понятій еще болѣе неопредѣленныхъ, какова, между прочимъ, сила вліянія на волю человѣка наслѣдственности («благословляетъ отецъ дѣтокъ до чужихъ клѣтокъ» и проч.). Въ другихъ случаяхъ, это исканіе причинъ, повидимому, останавливается вблизи настоящихъ основъ: каково, между прочимъ, вліяніе посторонней порчи, участіе соблазна («не родится воръ, а умираетъ»), и проч. Иногда отыскивается новое противорѣчіе, но несомнѣнно выясняется болѣе вѣрная и близкая причина («нужда лиха и голодъ не тѣтка, а голодный и архіерей украдетъ»). Въ общемъ же итогъ преступленіе — несчастіе, преступникъ — несчастный: вотъ конечный выводъ, какой сдѣлалъ народъ нашъ по личной практикѣ и дозналъ изъ собственныхъ наблюденій. Вору не родомъ ведутся, а кого чортъ свяжетъ: отъ бѣды и отъ грѣха не уйдешь, ихъ и на конѣ не объѣдешь. А потому: что на словахъ, то и на дѣлѣ: преслѣдуемый закономъ находитъ пріютъ; къ совершившимъ преступленіе — столько долготерпѣнія, сколько позволяетъ крайная степень возможности, и пока не принуждаютъ требованія и указанія начальствъ; бѣжавшій отъ наказанія съ каторги получаетъ готовый притонъ и готовую хлѣбъ-соль, и совершенно свободенъ отъ всякихъ преслѣдованій. По тѣмъ же причинамъ и палачъ, на пути слѣдованія къ мѣсту казни, попавшій на базарь, съ каждаго воза непременно возьметъ грошъ, на дешовое приглашеніе свое: «давайте кату плату», и потому же, наконецъ, одни изъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ, каковы разбойники, облечены въ народныхъ пѣсняхъ въ симпатичныя формы и

воспроизведены въ образъ удалыхъ-добрыхъ молодцовъ. А сколько разъ арестующимъ, по поимкѣ преступника (впервые натолкнувшись на злодѣяніе), доводилось слышать во время прощанья его со своими, посреди горькихъ слёзъ разлуки, такое утѣшеніе (сорвавшееся непосредственно съ самаго сердца): «батюшко нашъ царь проститъ насъ, слѣпыхъ людей — и помидуетъ».

Намѣреваясь познакомить читателей съ нашими наблюденіями надъ преступленіями, ведущими въ ссылку, и преступниками, колонизирующими Сибирь, мы въ теченіе работы нашей будемъ имѣть случай не одинъ десятокъ разъ объяснять то, на сколько народная «судьба» осуществима въ прирожденныхъ фیزیологическихъ и физическихъ свойствахъ природы человѣка, и на сколько то, что народъ признаетъ и называетъ «несчастьемъ», есть не что иное, какъ политическія и экономическія условія нашего народнаго быта и нашей родины. Вникая въ тѣ и другія, по вызову и указаніямъ различнаго сорта людей и разнаго рода преступленій, обязавшихъ насъ изученіемъ того и другаго во время знакомства съ Сибирью, — мы въ настоящемъ случаѣ поставлены лицомъ къ лицу съ однимъ изъ тѣхъ героевъ каторги, надъ которымъ въ особенности подшутила эта же самая «судьба», а около настоящей судьбы этого человѣка въ такомъ множествѣ скопились всякаго рода «несчастія». Герой этотъ служитъ прототипомъ всѣмъ подобнаго рода несчастнымъ или собственно ссыльнымъ людямъ. Въ немъ счастливо сочетались всё тѣ подлинныя несчастія жизни, которыя въ одно и то же время успѣли сдѣлать его и закоснѣлымъ злодѣемъ, и любимымъ идеаломъ, возлюбленнымъ образцомъ для всѣхъ современныхъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ сибирскихъ ссыльныхъ. Дѣла его громки по Сибири; разсказами объ немъ живутъ каторжныя тюрьмы; память его — съ похвалами, даже и въ тѣ времена, когда онъ сошелъ въ могилу. Имя ему — Кореневъ. По роду занятій и образу жизни онъ принадлежалъ къ тому многочисленному сословію сибирскаго населенія, къ тому классу людей свободнаго званія, которыхъ сибирскіе старожилы называютъ и варнаками и чалдонами, и которые самихъ себя признаютъ и называютъ бродягами. Кореневъ, однако, представляетъ такой типъ, въ которомъ всё свойства сибирскихъ бродягъ совмѣстились

въ достаточной полнотѣ и своеобразныя краски бродяжьяго ремесла на немъ слились такъ густо и въ такомъ избыткѣ, что мѣстами перелились даже черезъ край. Изъ бродяги—непосѣдливаго и неугомоннаго искателя воли и доли, надежныѣ обезпечивающихъ жизнь, чѣмъ неволя и бездолье каторжныя, и уже не по своей винѣ превращающагося вмѣсто того въ небезопаснаго искателя приключеній, — изъ бродяги, еще отчасти симпатичнаго и во всякомъ случаѣ исправимаго типа, — въ Кореневѣ выразился настоящій варнакъ: подлинный злодѣй и убійца. Характеръ его представляетъ ту особенность, что весь онъ сложился подъ вліяніемъ тюремныхъ обычаевъ и каторжныхъ порядковъ; онъ — воспитанникъ Сибири, и цѣдикомъ принадлежитъ ей; онъ—сибирякъ даже по мѣсту рожденія въ одной изъ сосѣднихъ къ Сибири губерній (Пермской), которую до сихъ поръ великорусскій народъ признаетъ и называетъ Сибирью (не по новымъ грамотамъ, но по старымъ памятямъ, до сихъ поръ неутратившимъ своего правдиваго смысла и значенія).

Вотъ какую игру затѣяла съ нимъ «судьба», какіе давала ему ходы и, ни разу не сдѣлавъ уступки, на всякую карту требовада рискованныхъ отвѣтовъ и смѣлыхъ выходовъ, потому что ставка была отчаянная, въ банкъ поставилъ Кореневъ свое человѣческое право: жизнь и свободу.

Бытіе свое Кореневъ получилъ въ маленькомъ, наибѣднѣйшемъ уѣздномъ городишкѣ, обыватели котораго влачили свое утлое, житейское, плохо-сколоченное суденко, между многими опасными подводными рифами: одни крали и давили крестьянскихъ кошекъ и собакъ и ободранныя шкуры перепродавали на кожевенные заводы богатаго сибирскаго города Тюмени; другіе воровали и перекрашивали крестьянскихъ лошадей и сбывали ихъ въ другую сторону на темныхъ людей по коннымъ торжкамъ и на конной ярмаркѣ бѣднаго вятскаго городка Котельнича. Къ такимъ же занятіямъ приучали они и дѣтей, тѣхъ ребятишекъ, въ общество которыхъ поступилъ Кореневъ—сынъ уѣзднаго чиновника. Конечно, ни кошкодавомъ, ни ковоирадомъ, по званію отца своего, ему стать не приводилось. Узнать эти порядки онъ могъ по праву товарищества, но судьба, помимо его собственной воли, могла натоптать ему только ту дорогу, которую

проторила она для отца его. Кореневъ непременно сдѣлался бы приказнымъ, и если при рожденіи получилъ онъ — по Галлю, головной мозгъ, съ болѣе развитыми передними частями и — по Штурцгейму, приобрѣлъ бугорокъ «приобрѣтенія богатствъ» увеличеннымъ насчетъ другихъ, и въ то же время снабженнымъ также развитымъ бугоркомъ-виѣстилищемъ «преступныхъ желаній и стремленій», — будущность его не заволокалась бы туманомъ неизвѣстности. Кореневъ, въ незавидномъ званіи уѣзднаго подъячаго, могъ сдѣлаться преступникомъ, а пожалуй, и ссыльнымъ субъектомъ на три стати: неизбежно болѣлъ бы онъ издохимствомъ — этою, крайне-застарѣлою и спорадически-распространенною болѣзнію. Но за этотъ первородный грѣхъ служилаго сословія ссылаютъ въ Сибирь мало и неохотно (около 5—6 человекъ въ годъ; 48 человекъ въ десять лѣтъ (съ 1838 до 1847)). Грѣшилъ бы онъ «подлогами по службѣ», но и за этотъ грѣхъ имѣлъ бы за собою самую ничтожную степень вѣроятія угодить въ ссылку (въ тѣ же десять лѣтъ за такіе грѣхи сосланъ въ Сибирь одинъ только подобный мастеръ изъ чиновнаго люда). Затѣмъ Кореневу, въ званіи и при обязанностяхъ чиновника, оставался достаточный просторъ развить въ себѣ наклонности къ служебнымъ преступленіямъ и слѣдомъ за другими ссыльными подъячими уйдти въ Сибирь за влязничество или за поддѣлку документовъ. На прегрѣшенія послѣдняго рода онъ обладалъ замѣчательнымъ количествомъ способностей, выяснившихся въ ссылкѣ мастерствомъ его готовить фальшивыя ассигнаціи и монеты, и вѣроятнѣе обезпечивался правомъ на ссылку, именно за этотъ родъ преступныхъ дѣяній по поддѣлкамъ, какъ таковыхъ, за которыя преимущественно ссылаются въ Сибирь русскіе чиновники. Но, какъ мы сказали, судьба для азартной игры съ Корневымъ не такъ стасовала карты и употребила не обычные рутинные приемы.

— Разъ я игралъ въ лапту съ ребятами на улицѣ (разсказывалъ самъ Кореневъ тюремнымъ товарищамъ и всѣмъ желавшимъ слушать его). Ребята не поладили: стали считаться кулаками. Одинъ, посрединѣ другихъ — Глыздой мы его зато звали — со мной снялся. Досадила онъ мнѣ крѣпко. Я ему: «отстань, отвяжись», а онъ пуще ко мнѣ. Не въ терпѣжъ мнѣ это стало: взялъ я, да лаптой его и свиснулъ. Скользнула лапта съ шапки на високъ — онъ такъ и сѣлъ, словно

снопь, и захрапѣлъ, ка-быть пьяной. Ребятишки всѣ — въ брызги: кто куда. Я—надъ нимъ, да и вздумалъ: сгрѣбъ въ оханку, стацилъ въ закоудокъ, сложилъ между бревнами; а самъ и бѣжалъ: не домой, а въ лѣсъ. Дома: отецъ сердитый—пьяной, со своей лантой сидѣлъ и со мной безпремѣнно то же бы самое сдѣлалъ. А про лѣсъ мы и въ сказкахъ слыхали все такое хорошее. Сказывали хорошее про лѣса наши и мѣщанскіе ребятишки: не гинетъ-де въ нашихъ пермскихъ лѣсахъ душа человѣчья, а кишать эти лѣса, чтó мошкой, всякимъ сброднымъ, вольнымъ и гуляющимъ людомъ. Тамъ-де очень хорошо. Вотъ съ чего я свою жизнь почалъ. Грамотѣ меня батько успѣлъ выучить въ уѣздномъ училищѣ: стало-быть, въ лѣсъ я грамотнымъ пошолъ. Ходилъ я въ лѣсу, неученымъ, не долго: послѣ приловчился такъ, что живалъ въ лѣсахъ по цѣлымъ годамъ. Въ лѣсу ягодами питался, да онѣ-то меня и проняли: вышелъ я на поляну хлѣбушка поискать, пошолъ къ деревушкѣ. Изъ молодыхъ, да ранній, въ деревню иду — потрухиваю: не зазнали бы меня за сбѣглаго. Спасибо, баба какая-то выручила: «ты, говоритъ, паренекъ, не коня ли своего ищешь?» — Коня, молъ, ищу. — «Такъ у насъ, слышь, не такія мѣста, чтобы краденыхъ лошадей находить: не ты первой ищешь». Зазвала меня въ избу, не стала спрашивать, стала сама рассказывать:

— У насъ подзаводской народъ такой злой, такой злой: попадетъ къ нимъ чужая лошадь — за ночь одну перекрасить такъ, что самъ хозяинъ съ какой стороны ни зайдетъ—не признаетъ живота своего. Развели бабовство такое, что удержу нѣтъ никакого. Становымъ, слышь, ста-по два рублей на годъ владуть.

Вынула изъ печки горшки, стала кормить меня; а языкомъ бомтаетъ безъ удержу. Слышу, рассказываетъ:

— Жить стало не можно: разбойства завелось. Въ Суксунскихъ заводахъ мастеровой пропагъ. Жена плачетъ и ночи не спитъ. Разъ въ самую полночь, на первыхъ пѣтухахъ, стучатся къ ней въ окно. Она прислушалась: кто-то тамъ помолитвовался и закричалъ: «ищи-те-де Алексѣя Воробьева на заводскомъ пруду въ прорубяхъ, около огорода Михайла Возлова». Сыновья бросились на дворъ, а темень такая, хоть глазъ воли: никого не нашили. Пошли на прудъ, нашили

мертвое тѣло — ошъ самой. Капотъ былъ на немъ чорнаго, слышь, сукна; снять капотъ съ рукъ; имъ обверчена голова и завязана на шеѣ личной веревкой, въ палець толщиной. Руки по кистямъ тоже веревкой связаны. Синяки на спинѣ и на бокахъ...

«Она сказываетъ, а я ужъ смекнулъ, что мѣста тутъ и впрямъ такія, что уходить мнѣ надо. Пока я кашу съѣлъ, баба ужъ мнѣ и еще рассказала, что тамъ убили, да спрятались, тутъ ограбили среди бѣлаго дня и опять никого не нашли. По сибирскому большому тракту деревни горять: поджигаютъ. Значить, во всѣхъ дѣлахъ этихъ всякій прохожій виноватъ. Сдумалъ я и домой вернуться, во всемъ спокаяться. Въ ту сторону я и лыжи наладилъ. Село большое высыпалось на дорогѣ; на погостѣ кресты торчатъ и народъ стоитъ кучкой. Дай, погляжу, что такое: все старцы, и всѣ слѣпые и у всѣхъ котомочки за плечами, въ рукахъ палки, значить: нищая братія. Я спросилъ: «да вотъ, говорятъ, паренекъ у насъ былъ — поводарь нашъ, зачахъ и померъ — хоронимъ теперь». Попробую я къ вамъ пристать, что выйдетъ. Да какъ это сдѣлать? Начали они и меня спрашивать «не тутошный ли?» — «Нѣту». — «Можетъ, съ воли какой?» — «А вамъ что за дѣло?» — «Мы-де не соцкіе: въ станovou квартиру тебя не везти намъ; къ тому же теперь и безъ ногъ стали, и сдѣлать намъ этого не можно». Я молчу, а они говорятъ таково смирно: «Самые мы теперь несчастные люди, и съ погоста сойдти, пожалуй, дороги не найдемъ, проводилъ бы ты насъ на дорогу». Сдѣлалъ я такъ-то — вывелъ. «Мы, говорятъ, не изъ такихъ, чтобы чужихъ ребятъ воровать въ деревняхъ стали, а кто-де охотой поидеть съ нами, тому мы, коли золота ему нужно — и золота дадимъ. Вотъ теперь по заводскимъ праздникамъ поидемъ на осень — пирогами кормить насъ стануть, меду надаютъ сотами, виномъ поить будутъ. А какъ-де настанетъ зима, то въ Ирбитѣ ярмарка такая, что больше ея другой и на свѣтѣ нѣту, тогда пойдутъ къ намъ деньги, а съ деньгами по здѣшнымъ мѣстамъ отца родного можно купить и ото всякихъ бѣдъ откупиться». Пуще всѣхъ приставалъ ко мнѣ низенькій, горбатенькій старичонко — Матвѣемъ звали. Я шолъ съ ними, и гдѣ лужа, гдѣ мостъ — предостерегаю, сказываю. Иду и слушаю: «Кто-де бы пошолъ съ нами, того бы человекъ мы харчомъ доволь-

ствовали и давали бы по рублю деньгами на четыре недѣли. Послѣ Ирбита по пяти давать станемъ. Если-де кто и съ волчьимъ пашпортомъ ходитъ, мы и того можемъ оправить: есть у насъ на всякую руку и бумаги такія». Думать тутъ мнѣ было нечего, я такъ и не отставалъ ужь отъ нихъ, сталъ я поводаремъ нищей братіи.

«На отдыхъ въ кустахъ слажено было мое дѣло такъ: парнишку-де похоронили, а паспортъ его на рукахъ остался, будто онъ и не помиралъ. Тутъ меня во второй разъ крестили, дали другое имя и велѣли сказываться Григорьемъ Семеновымъ, а былъ я Иванъ Петровъ Бореневъ.

«Ходилъ я съ нищей братіей долго и всякихъ дивъ видывалъ много. Больше доводилось смѣху видать, а кое-когда и кое-какія горя перепадали. Какъ собрали денегъ, такъ и пить, и плясать, а напились—соротиться да кориться. Этакого злющаго народа я и на ваторгѣ мало видывалъ. Ходили они промежъ себя такъ-то: кто больше стиховъ зналъ и пѣньемъ заводилъ, что всякое слово знать было—всѣхъ больше тотъ денегъ мѣдныхъ отгребалъ себѣ. У одного къ тому же горло широкое было, что у бурлака на Чусовой,—тотъ всѣхъ богаче былъ. Безпамятнаго старичонку Матвѣя всегда обижали: у негои голосъ куриный и человекъ онъ самый злющій. Какъ дуванъ дуванить и его одѣлять, такъ онъ и драться: «я-де нонече шибче всѣхъ васъ пѣлъ, и меня-де сегодня купецъ приласкалъ; въ мою чашку больше денегъ наклали!» Задираетъ ихъ, значитъ. Артель у нихъ была, артелью они звались. Дуванъ въ лѣсу дѣлали, а въ кабакѣ размѣнивали: подгоняли только это дѣло всегда къ ночи. Въ кабакахъ это знали, а я не зналъ, да какъ-то послѣ такой-то, первой, дѣлжки усѣлись они на базарѣ—меня такой смѣхъ пробралъ, что чуть всю грудь не разломило. Съла моя нищая братья какъ на иконахъ святыхъ пишутъ: слѣпенькіе да хворенькіе, всякъ ихъ обидитъ. Вы ли, молъ, это, братцы, что вчера въ кабакѣ-то были? Святѣ всѣхъ старецъ Иванъ—Верзиломъ дразнили: выше всѣхъ онъ былъ и зрячій. Какъ на базарѣ выходить, такъ ему и надо какое-никакое темное мѣсто. Тамъ онъ сядетъ, подхватитъ подъ себя правую ногу, подниметъ лѣвой рукой съ глазу кожицу да по красному мѣсту и начнетъ стрекать иглой. Ему и сведетъ оба глаза: слѣпѣе всѣхъ кажетъ. Къ вечеру, когда

плясать, либо деньги считать надо — отпуская: онъ опять видѣлъ. А былъ онъ за то и старостой артельнымъ и плутомъ большимъ. Какъ старцы ни щупаютъ руками деньги (а щупанье у нихъ какъ бы глазъ здоровый), какъ ни ощупываютъ, а у старосты всегда денегъ больше. Ласкалъ онъ меня лучше всѣхъ. Былъ онъ для меня и заступой, когда другіе старцы за что-нибудь вскидывались щипать, а не то и драться. Въ первый разъ били меня за то, что на базарѣ смѣлся; бивали и еще не одинъ разъ. За тычками и пинками я не гонялся: въ этомъ промыслѣ привычку къ тому возымѣлъ. За большую драку разъ припугнулъ однако: «убѣгу-де», — такъ заутру угрозу кинулся на меня всѣ до одного: «этимъ, молъ, насъ не пужай, а вонъ въ мошнѣ у Верзила нашихъ денегъ съ полсотни будетъ: всѣ за тебя отдадимъ становому, чтобы выпорокъ». Я испугался.

«Не отставалъ я отъ старцевъ до самой Ирбита. Прибрело туда нищей братіи артелей шесть. Сшиблись такъ, что либо всѣмъ въ одну слаживаться, либо которые уходи вонъ: всѣмъ будетъ тѣсно. Одну артель такъ и выдавили: ушла. Наша на волоску висѣла, потому сильнѣе насъ деньгами была, одна ближняя, тутошная, сибирская. Пришла она раньше, дала больше; стала ярмаркой заправлять на маперъ старосты. Нашъ Верзила сладился съ ней на ведрѣ вина и чтобы пѣть не вмѣстѣ и сидѣть дальше: имъ обѣдни, намъ заутрени очищать. Къ вечернямъ третьихъ и четвертыхъ припускали; пятая на сибирскомъ выѣздѣ пѣла. Мы въ самой-то гущѣ и усѣлись представленія наши дѣлать. Однако выпѣли мы негусто: старцы считали ста на три, а и одного ста не вышло. Собирались назадъ такіе сердитые, а къ тому одного нашего за то, что въ кабакѣ раму высадили — въ кучумѣ держали. Надо было его выкупать. Шли мои старцы назадъ, что мухи къ осени, закусались очень больно. Я изъ синяковъ не выхожу и бока спрыщевали: гдѣ кольнетъ, а гдѣ и заносетъ. Къ тому же и надоѣли эти злющие люди, не лучше злыхъ собакъ. Все грызутъ да ворчатъ, а денегъ дали мнѣ немного, да и дали какія, такъ и тѣ съ покоромъ да со рванью. Чортъли, молъ, мнѣ за эти корысти въ ваши слѣпцыя очи глядѣть: и глаза-то мнѣ ихніе въ годъ отъ надоѣли лучше горькой рѣдьяи. Взгляну въ нихъ — тошнить. Думалъ я объ этомъ разъ цѣлую ночь на пролетъ, поутру всталъ та-

кимъ, словно оправдали меня и всякую мнѣ вину начальство отпустило. Идти надо было въ село на базаръ, а ужь весна, и мы подъ Шадринскомъ. Они прирядились въ полный нарядъ: Верзила и глаза свои накололъ, сталъ словно слѣпой отъ рожденія. Уговоръ такой былъ у насъ: ноги вскричу: «вода» — всѣмъ раздѣваться, значить — вбродъ идти. Привелъ я ихъ къ забору: крапивищи тутъ — лѣсъ непролазной. Ухватился передній за подогу, а остальные другъ за дружку, что гуси: вбродъ идти приспособились. Я ихъ, вмѣсто рѣки, завелъ въ эту самую крапиву жечься, а самъ палку изъ руки выпустилъ и убѣжалъ. На этомъ я съ ними и покончилъ. И что плохо лежитъ — прибирать и куръ воровать: они меня, святые старцы, выучили. Науку эту я съ ними прошолъ. Послѣ нихъ мнѣ и въ бѣгахъ стало жить легче: бояться сталъ я меньше, и невдогадъ мнѣ въ томъ сомнѣваться. Когда жилъ я со слѣпыми и ихъ дѣломъ правилъ, все казалось, что самъ ослѣпну, а кинулъ ихъ да одумался — непременно прозрѣлъ я такъ, что вверху ногами ничего ужь съ той поры не видалъ. Теперь пойду, молъ, по вѣтру, куда вѣтеръ тянетъ: все равно. Все равно оно потому, что я къ шатанью-то этому попривыкъ такъ, что и оно мнѣ работой казалось. Съ нищей братьей только ни за что таскаться не стану: развѣ, когда отдохну.

«Думалъ я такъ и дѣлалъ эдакъ — не долго. Разъ какъ-то на опушкѣ лѣсной мнѣ новая находка. Лежать пятеро молодцовъ чудныхъ какихъ-то: у всѣхъ бороды не то подстрижены, не то рости послѣ бритья въ одно время начали, а волоса у всѣхъ какъ у новоставленныхъ поповъ бываютъ. У двухъ и рожи пятнацыя. Такихъ я не видывалъ, а такимъ потомъ и самъ сталъ. И вотъ какъ это дѣло случилось. Подошолъ я къ нимъ — сгребли меня сзади, связали конскими путами; на землю кинули, а за что, про что — не сказываютъ. Я оробѣлъ и струсилъ: да на этотъ разъ — въ послѣдній разъ. Съ ихъ тяжелой руки я ужь никого не робѣлъ. Спутали меня такъ-то крѣпко, что хоть кричать. Стали разговаривать: «наломайте вѣяниковъ, станемъ палить его, все скажетъ». Сказалъ я имъ и безъ вѣяниковъ: повѣрили. Повелъ ихъ знакомой дорогой — полюбили. Я не отставалъ — они пуще ластились. Дѣлалъ я съ ними путь въ обратную, надо быть, дней десять, до того самого утра, какъ мы наткнулись